

воплощение в поэзии идей Октябрьской революции. Глубоки связи болгарского революционного искусства с творчеством советского поэта. В Болгарии вышло около двадцати изданий произведений Маяковского. Событием в болгарской литературе стал перевод «150 000 000», сделанный Гео Милевым в начале двадцатых годов. Писатель Богомил Райнов вспоминает: «В 1938 году я получил из Москвы поэму «Владимир Ильич Ленин». Поэма Маяковского не

могла остаться только моим достоянием. Она переходила из рук в руки... Можно представить, какой долгий путь через человеческие души проделала эта книга». С творчеством В. Маяковского связаны имена польских поэтов Юлиана Тувима, Владислава Броневского — соратников и единомышленников советского писателя. «Навегда слился для меня Маяковский с Октябрьской революцией», — писал Юлиан Тувим. Произведения поэта чита-

ют с эстрады, их ставят в театре, его стихи положены на музыку. «Левый марш» в исполнении Эрнста Буша стал боевой песней трудящихся всего мира. Сегодня на сценах ГДР идут пьесы В. Маяковского, большими тиражами выходят его книги. В Будапеште готовится юбилейное издание сочинений советского поэта. Во весь голос, на всех языках звучат строки Владимира Владимировича Маяковского.

С ЖИВЫМИ...

минаются имена тех, кто отказывался признать поэзией поэмы «Владимир Ильич Ленин» и «Хорошо!» и называл лозунговым, пустозвонством гениальную публицистическую лирику Маяковского. А произведения поэта из года в год все шире звучат в стране, строящей коммунизм, передаваясь по эстафете от одного поколения строителей нового мира к другому.

На протяжении сорока лет к каждой из десятилетних дат Октября поэма «Хорошо!» продолжала звучать так, как будто бы только-только была написана поэтом. И как ни горько в этом признаваться человеку, пишущему стихи, к пятидесятилетию Октябрьской революции поэма эта оказалась самой сильной и самой актуальной из всего, написанного нами к великой дате.

Сколько копий было сломано и при жизни, и после смерти Маяковского вокруг его пьес «Клоп» и «Баня!» Немало критиков пророчили им забвение сразу же после премьер в театре Мейерхольда. А ныне, на пятьдесят первом году революции, обе эти пьесы живут на сцене советского театра и так же, как сорок лет назад, сражаются с сегодняшними бюрократами и зовут зрителя к борьбе за справедливое общество.

Маяковский не был среди нас, когда советская поэзия совершала свой патристический подвиг в годы Великой Отечественной войны. Но на всем просторстве нашей Родины, на фронте и в тылу, воевал с врагами стих поэта, предупреждавшего еще в двадцатые годы своих соотечественников: «Когда на страну нападут фашисты, обезоруженным не окажись ты!»

И в железном строю советских танков, протаривших путь от Сталинграда и Моздока до Берлина, сражался с врагами танк, на стальной броне которого были начертаны слова «ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ».

Сбылась заветная мечта

поэта распространиться по стране «летучим дождем брошюр», зазвучать по радио. За пятьдесят миллионов перевалили тиражи его произведений, изданных едва ли не на всех языках народов Страны Советов и едва ли не на всех существующих в мире языках.

Героический опыт поэта-новатора отозвался в творчестве его боевых побратимов — революционных поэтов мира — таких, как Луи Арагон, Пабло Неруда, Назым Хикмет, Никола Вапцаров, Витеслав Незвал, Иржи Тауфер, Христо Радевский, Радован Зогович, Бертольт Брехт, Эрих Вайнерт.

Трудно судить о творчестве любого из настоящего талантливых и настоящего советских наших поэтов (вне зависимости от того, каким стихом они пишут — мелодическим или интонационно-ораторским), не обращаясь к новаторскому опыту Маяковского. Ведь он завоевал для своих современников и потомков невиданный новый жизненный материал и облек его в новую, соответствующую его революционной природе форму.

Обо всем этом хочется напомнить в связи с семидесятилетием со дня рождения великого поэта Октябрьской революции.

Напомнить некоторым из поэтов-современников, которые в наше напряженно-трудное время, когда перемешались и гул великой стройки нового мира, и разрушительные голоса смерти и истребления, уходят в «барские садоводства» интимной псевдолирики, повторяя малопочтенный опыт тех, о ком в строках «Нет на прорыв карантин...» мандолинист из-под стен...» язвительно и гневно говорил Маяковский.

Это нам, сегодняшним, кому выпало высокое счастье быть участниками, реального строительства нового, коммунистического общества, поэт адресовал требовательные строки: «У нас поэт события берет — опишет вчерашний гул, а надо рваться в завтра, вперед, чтоб брюки трещали в шагу».

ПОЭТ НА ЭКРАНЕ

Эта лента, посвященная газете «Известия» и запечатлевшая Маяковского, появилась на экранах в 1925 году. Сценарий написали Л. Нинулин и А. Дубровский. Ставили картину режиссеры М. Доронин и А. Дубровский.

Лев Нинулин рассказал мне, как снимали для экрана Маяковского.

— Мы договорились с Владимиром Владимировичем, что он придет в редакцию «Известий» — она тогда помещалась на Тверской, где сейчас редакция газеты «Труд». Маяковский сказал, что будет сидеть за столом и писать стихи. А потом на экран должна была появиться крупным планом его подлинная рукопись со строками стихов...

В 1918 году поэт играл главную роль в художественном фильме по инсцениро-

ванному им самим роману Джона Лондона «Мартин Иден». В этой картине (она называлась «Не для денег родившийся») Маяковский стремился показать зрителям свои стихи с экраном — ведь кинематограф тогда был нем. В сцене, изображавшей «кафе поэтов», Владимир Владимирович поставил черную школьную доску и во время киносеанса писал на ней

Бейте в площади бунтов топот!
Выше гордых голов грядет!
Канье стихи показал поэт в фильме об «Известиях», установить невозможно: лента не сохранилась полностью. До наших дней дошло лишь несколько кадров, показывающих поэта «делающим стихи» для газеты «Известия».

Макс ПОЛЯНОВСКИЙ

МОЙ МАЯКОВСКИЙ

ПЕРВЫМИ поэтами, которых я узнал в детстве, были Пушкин и Маяковский. И слово «поэт» ассоциируется у меня с тех пор с пушкинским вдохновенностью и суровой прямоотой Маяковского.

Сегодняшние поэты учатся у Маяковского не только «трибунности», но и той высокой концентрации поэтической энергии, когда каждое слово воссоединено с жизнью. Маяковский стал университетом нашей советской поэзии. И все мы в меру сил и способностей постоянно проходим этот университет.

Очень трудно привыкнуть к мысли, что Маяковский — памятник. И когда я бываю на площади его имени, мне вспоминается, как мы приходим сюда — и старые, и молодые поэты — на вечера поэзии, читаем свои стихи; тогда за нашей спиной стоит не памятник ему, а вся его поэзия — рыцарски открытая и мужественная. Он живет, живет в каждой нашей удаче. Маяковский открыл в поэзии новую эпоху, и поэтому все, что есть у нас, в какой-то степени предопределено им.

В нем счастливо сочетались и новаторство революции, и великий опыт предшествовавших поэтов. Мастерство, в котором на первом плане само мастерство, — еще не искусство; путь больших поэтов — это как бы путь освобождения от мастерства. Вулканическая лава застывает на последнем дыхании, на пределе. Вот почему лучшие наши поэты приходят к пушкинской ясности и вдохновенной простоте. И не случайно сказал Маяковский о своем отношении к Пушкину: «Мое стихотворение, посвященное Пушкину, является способом перетряхнуть академика Пушкина и постройте тако-

го, о котором человек с некоторым революционным энтузиазмом может говорить, как о своем поэте...»

Только революция могла родить такого поэта, как Маяковский, с полным правом сказавшего о себе и о своей поэзии:

Пускай за гениями
безутешно вдовой
плетется слава
в похоронном марше —
умри, мой стих,
умри, как рядовой,
как безымянный
на штурмах мерли наши!

Солдаты, расписывающиеся на стенах рейхстага, писали: «Я — из Тулы. Иванов», «Я — из Омска. Сидорин». Маяковский написал на обломках старой России: «Я — из революции. Владимир Маяковский».

По Некрасову и Маяковскому мы учимся понимать, что быть поэтом — это призвание, а быть гражданином — долг, что поэтическое «я» всегда больше твоего личного «я» и что ложно стремиться быть больше, чем «мы».

Маяковский мерил мир самим собой. И эта мера была громадной. Его поэзия любит все большое, звонкое, необычное. Великан мыслит по-великански: если у него любовь — то любима, если шаги — то сажень, а если закят — то во сто солнц. Океан у него — революции младший брат.

Может быть, в силу необыкновенных личных и поэтических качеств, в силу того, что революция рождает особую духовную атмосферу, ему лучше всех и полнее всех удалось выразить молодость нашего народа.

Сердце Владимира Маяковского, как радар, было установлено на будущее. «Выолакивайте будущее!» — призывал он, и мы слышим этот призыв.

Владимир ЦЫБИН

ДИАЛОГ С СОЛНЦЕМ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ВЕЛИКИЙ грузинский мыслитель Петр Ивер говорил, что дух человеческого материализмуется только в слове. Сила духа Владимира Маяковского столь велика, что, обретая словесную материальность, она становится, можно сказать, физически осязаемой, «весомой... зримой».

Маяковский — истинный поэт революции, он сам — революция в истории мировой поэзии. Маяковский относится к числу тех эпических поэтов, которые, как Байрон, Уитмен, Пушкин, опоясывают своим властным обаянием весь мир; подобно меридианам на глобусе.

В чем его величие? В том, что он обращается со своими стихами не к замкнутой касте эстетствующих салонных ценителей, а к той планете, имя которой — Земля.

В том, что всем своим существом, своей натурой, своим обликом, каждым движением и жестом он стремился утвердить читателя и слушателя в той вере, во имя которой жил и творил сам.

Новый мир, мысли и чувства истинного поэта требуют соответствующего воплощения.

Стих Маяковского труден в декламации, он требует широты дыхания, тончайших интонационных нюансов, выразительного жеста, богатой мимики и глубокого звука. Наш замечательный поэт Симон Чиковани вспоминал, что Маяковский считал поэтическое чтение мерилом художественности произведения.

Стих Маяковского всегда естествен и логичен, освещен внутренним светом великой и доброй души поэта, смягчен или заострен — в зависимости от обстоятельств — его улыбой или насмешкой. Он человек, этот стих, его лексика и синтаксис максимально приближены к живой, разговорной речи. Его строка звучит особенно выразительно благодаря богатой рифме. А эта рифма, в свою очередь, де-

лает еще более заостренным содержанием стиха.

Величественны и прекрасны подлинно великие гражданские чувства, которые определили достоинства поэзии Маяковского. Каждый нервом, каждой клеткой сливаясь со своим творчеством, он сумел сделать поистине поэтически даже, казалось бы, чуждые для поэзии явления жизни и политики, наделив их лиризмом и интимностью.

Когда я окидываю мысленным взором вершинные творения многонациональной советской поэзии, то ясно вижу, сколь живы и плодотворны принципы, утвержденные в ней Маяковским. Возьмем хотя бы грузинскую поэзию. Мне кажется, что гражданские пафос, широта общественных устремлений и их неразрывность с личным, интимным миром поэта, которые так мощно выразил в своем творчестве Маяковский, ясно прослеживаются, например, в «Стихах о Джоне Риде» и «Эпохе» Галлактиона Табидзе, в «Колыхиде» Паоло Яшвили, в строках Георгия Леонидзе и Симона Чиковани. Эти завоевания, органично освоенные ими, стали неотъемлемым признаком их поэтического голоса. Тут не может идти речь о простом влиянии или о чем-либо подобном, это было бы несправедливо не только по отношению к нашим большим и самобытным поэтам, но и по отношению к самому Маяковскому. Он никогда не стремился быть «классным наставником», обучающим школьников своим размерам, рифмам, метафорам. Нет, его отношения со всей советской и мировой поэзией и шире, и глубже. Он открыл новый взгляд на мир, новое отношение к нему. Он прежде всего открыл нам свое горячее и отзывчивое сердце, в котором мы и должны черпать для себя честность, верность, доброту и мужество. Так думаю я о нем и так стараюсь писать.

Мухран МАЧАВАРИАНИ
ТБИЛИСИ